

Ю. Авербах

БРАТЬЯ СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧИ

Сентябрьский день был по-летнему душен. Едва дождавшись конца служебного времени, чиновники Главного комитета по крестьянскому делу, утомленные однообразным шуршанием бумаги и скрипом перьев, поспешали домой.

Только молодой человек лет двадцати четырех продолжал неподвижно сидеть за столом, погруженный в свои мысли.

Мысли были невеселые... Ну вот, еще один день прошел... а что сделано? Трудиться упорно, самозабвенно, работать над решением самой животрепещущей задачи России — и видеть, как огромное дело, от которого зависит вся судьба отечества, тонет в гряде бумаг, в пустой говорильне, как всякая живая и новая мысль глушится... Казалось бы, всем

должно быть ясно: дальше так продолжаться не может. Позорно проигранная Крымская война лишней раз беспощадно показала всему миру бессмысленность крепостничества... Необходимы решительные и быстрые перемены!.. Но — нет! Куда там! Чего стоит хотя бы первое же постановление комитета: «Освобождение должно быть сделано постепенно, без крутых и резких поворотов...» Какая нелепость!

Когда делопроизводитель главного комитета Бутков взял его на должность секретаря, как он был доволен! Оказаться на переднем крае борьбы за отмену крепостного права, непосредственно работать над осуществлением этой задачи — не об этом ли он мечтал? И вот: «постепенно... без поворотов...» А кому доверено руководить подготовкой реформ? Граф Орлов, Адлерберг, Панин, Муравьев... Да ведь они же сами крепостники, туполобые консерваторы!

— Да! Что называется, пустили козла в огород! — сказал он вслух и начал ходить по комнате.

«Но что делать? Как прошибить эту стену? Где отыскать человека, который имел бы силу и власть пресечь канцелярскую канитель и направить дело, которого так ждет Россия, в нужное русло. А что, если?»... Молодой человек даже остановился. «Да, что, если обратиться к... самому государю?! Дерзко! Невозможно! Почему? Ведь Александр II — это не Николай I — он умен, просвещен, искренне хочет блага России — все говорят это! Наконец, он просто человек! Ясные и обоснованные доводы — он не может их не понять! Надо только, чтобы они попали лично к нему, — не завязли в канцеляриях и департаментах. А что, если я напишу ему самому и отдам лично? Как это раньше не приходило мне в голову?»...

Через час молодой человек был уже дома. Из-под пера его бежали резкие и горячие строчки. Он писал царю.

Это было в Петербурге, в сентябре 1858 года. Молодого человека, решившегося на такой поступок, звали Николай Александрович Серно-Соловьевич.

I

Начало его жизни было вполне обыкновенным.

Он родился 13 декабря 1834 года в Петербурге и был первенцем в семье обыкновенного чиновника, получившего дворянство за долгую и ревностную службу в сенате и в военном министерстве.

Обыкновенным было и детство — такое же, как и у всех детей в дворянских чиновничьих семьях среднего достатка. Отец был человеком незлым и порядочным, но долголетняя служба в учреждениях Петербурга сделала свое дело: он приобрел все черты чиновника ведомств августейшего жандарма. Потому и в семье своей Александр Павлович завел порядки, в которых как в капле воды отразилась николаевская Россия.

Те же деспотизм, педантизм, слепое следование установленным шаблонам, подавление человеческой личности в соединении со всеми сословными предрассудками породили и соответствующие «воспитательные средства». Розги и другие бесчеловечные наказания — все это в количестве достаточном пришлось вкусить детям Серно-Соловьевичей, а их, кроме старшего — Николая, было еще четверо: Александр, Константин, Владимир и сестра.

Мать, происходившая из дворянского рода Кирилиных, была женщиной доброй, сентиментальной, но в высшей степени безвольной и к тому же болезненной, она мало способствовала смягчению семейного деспотизма.

Но деспотизм в семье Серно-Соловьевичей сыграл в известной мере и положительную роль, разумеется независимо от желания отца. Подавляя личность слабую, деспотизм вызывает в людях, сильных духом, протест и непреодолимую любовь к свободе. Может быть, именно здесь и начали формироваться те черты характера, которые впоследствии сделали Николая Серно-Соловьевича и его брата Александра людьми волевыми и стойкими.

В 1847 году Николай Серно-Соловьевич окончил гимназию и поступил в лицей, в котором некогда учился Пушкин и многие его друзья — будущие декабристы. Но это был уже не тот лицей. Даже местопребывание его изменилось: в 1844 году лицей, переименованный в Александровский, перевели из поэтического Царского Села в Петербург. Изменилась и вся обстановка в лицее. Желая воспитать лицейстов верноподданными и исполнительными чиновниками, Николай I и его сановники установили в лицее, как, впрочем, и во всей империи, режим, придавший ему изрядное сходство с казармой. Полицейский надзор и арест за всякую провинность стали неизменными атрибутами лицейского быта. Преподаватели, заподозренные в сколько-нибудь либеральном образе мыслей, удалялись. Особенно усилились репрессии после ареста петрашевцев — ведь среди них тоже оказались воспитанники лицея. Но, несмотря на все репрессии, изгнать из лицея «вольный дух» так и не удалось. Образовались кружки лицейстов, объединенных тягой к знанию и извечно свойственным молодежи стремлением найти цель жизни. Изучали литературу, историю, философию, горячо спорили о вещах, достаточно крамольных с официальной точки зрения.

Активное участие в одном из таких кружков принимали Николай Серно-Соловьевич и его брат Александр, поступивший в лицей в 1851 году. Он был на четыре года моложе Николая, но не по годам развившийся ум и любознательность помогли ему быстро занять достойное место среди старших товарищей.

В 1853 году Николай Серно-Соловьевич окончил лицей с серебряной медалью и поступил на службу в государственную канцелярию. Вскоре вместе с лицейскими друзьями Черкесовым и Долгово-Сабуровым Николай снял отдельную квартиру. Началась жизнь, внешне не отличающаяся от жизни петербургского чиновного дворянства.

Но вот разразилась Крымская война, и крепостническая Россия, казавшаяся до тех пор великой и

могучей, предстала перед всем миром как отсталая и позорно-бессильная.

И, подобно грому орудий на Сенатской площади, разбудившему сознание молодого Герцена, гром орудий севастопольских батарей разбудил поколение, к которому принадлежали братья Серно-Соловьевичи.

18 февраля 1855 года умер, наконец, тридцать лет тиравивший Россию коронованный жандарм — Николай I. Война была проиграна. Глухой ропот прокатился по России, и все — от забитых крепостных до людей высшего света — поняли: что-то должно измениться.

Смутно дремавшее в братьях Серно-Соловьевичах ощущение неблагополучия в общественном устройстве России превратилось в ясный вывод: крепостничество отжило свой век, Россия нуждается в немедленном и коренном обновлении.

Внешне все оставалось прежним: балы, посещение театров, танцы, иногда и карты. Но все чаще и чаще дружеские вечеринки в квартире Серно-Соловьевичей принимают характер политических диспутов. Меняется и самый круг знакомых: чуждые общественным интересам беспечные молодые денди исчезают с горизонта — с ними становится попросту скучно. На смену им приходят другие люди — те, что ищут новых путей в жизни.

В начале 1855 года в Петербург приехала Мария Васильевна Трубникова, одна из первых в России начавшая действенную борьбу за эмансипацию женщин. Вместе с ней приехала ее сестра Вера Васильевна Ивашева.

Сестры Ивашевы выросли в Симбирской губернии, в имении своих родственников — князей Хованских, благоговейно относившихся к памяти их отца-декабриста. В семье Хованских дочери Ивашева получили прекрасное по тому времени образование. Сестры принадлежали к аристократическому кругу. Но не только балы, театры и рауты занимали их время. Среди их многочисленных знакомых преобладала не

«золотая молодежь», а образованные молодые люди, большей частью воспитанники лицея. В числе их был и Николай Серно-Соловьевич. Очень скоро он и брат Александр стали завсегдатаями салона Ивашевых. Так был создан литературно-философский кружок, участниками которого стали братья Серно-Соловьевичи, Слепцов, Рихтер, Шамшин, Сабуров. В кружке читали Прудона, Лассалья, Герцена, Сен-Симона, Луи Блана.

Социалистическая литература оказала огромное влияние на братьев Серно-Соловьевичей. Конечно, убеждения их были еще во многом наивны, но основа для безвозвратного перехода Николая и Александра в лагерь противников крепостничества и самодержавия была заложена.

Шло время. Способности Николая, настойчивость и увлечение, с которыми он отдавался работе, не прошли незамеченными. Служебная карьера его была удачной. В 1857 году, двадцати трех лет от роду, он получил чин надворного советника. В его годы этого удаивались немногие. Однако Николая не радовали подобные успехи. Он страстно желал как можно деятельнее и непосредственнее участвовать в деле обновления России и освобождения крестьян. В ту пору он еще верил, что все это возможно путем правительственных реформ. С радостью принял он назначение на должность секретаря Главного комитета по крестьянскому делу.

Радость была непродолжительной. Очень скоро Николай убедился, что деятельность комитета, руководимого крепостниками, ничего хорошего не принесет, а подготовляемая реформа не даст подлинного освобождения крестьянам и лишь ограбит их. В это время и созрело смелое решение написать обо всем Александру II. Николай искренне верил, что стоит только открыть монарху глаза на истинное положение дел в России, которое скрывают от него сторонники крепостного строя, стоит только показать ему, сколь уродливо готовится реформа, и все станет на свое место: император сам энергично поведет дело, и все решится к всеобщему благу России.

II

Записка составлена. Николай еще раз перечитывает ее. Она написана в резких выражениях. Ну, да ничего. Нельзя скрывать правду от государя! Пусть он прочитает и поймет. Не может не понять, ведь это так просто! Только как передать записку? Это необходимо сделать лично. Добиться аудиенции? Но как? Император сейчас живет в Царском Селе. Прежде всего надо поехать туда, а на месте легче будет найти какой-нибудь способ увидеться с ним.

На следующее утро Николай уже на вокзале. До Царского Села недалеко, каких-нибудь полчаса езды. Но сколько передумано за это время!

Вагон в этот ранний час почти пуст. Только с левой стороны у окна сидит мужчина в жандармском мундире с генеральскими эполетами. Кто это? Кажется, Долгоруков? Николай пересел поближе. Почувствовав устремленный на него взгляд, человек обернулся. Да, это князь Долгоруков, шеф жандармов. Удачно! Уж он-то знает, как попасть к царю! Николай сел напротив Долгорукова.

— Ваше сиятельство! Извините, что беспокою. Не можете ли вы мне сказать... мне необходимо представиться государю и вручить ему одну записку. Это очень важно!

От изумления Долгоруков откидывается назад. Нет, сидящий перед ним хорошо одетый молодой человек не походит на сумасшедшего.

— Государю?.. Записку? А с кем я имею честь говорить? — наконец выдавливают он из себя.

Николай представляется. Долгоруков продолжает смотреть на него с не меньшим удивлением.

— Милостивый государь, вы состоите на государственной службе и должны были бы знать порядок представления подобных дел! Государь не может принимать каждого прожектера... М-да-с... каждого желающего, — слегка смягчает Долгоруков, видя, с каким настойчивым ожиданием смотрит на него Серно-Соловьевич.

— Если уж вы считаете свое дело столь важным, можете отдать вашу записку мне. Моя канцелярия ее разберет, и, если дело действительно важное, я доложу его величеству.

«Канцелярия?! — думает Николай. — Ну, нет! Я слишком хорошо знаю эти порядки! Уж мне-то известно, сколько важных дел заплесневело там под сукном или сожрано архивными крысами».

— Нет, ваше сиятельство, благодарю вас, но это невозможно.

— Ну, как знаете, милостивый государь! Все равно ваша записка пройдет через мои руки, кому бы вы ее ни отдали.

Поезд подходит к станции. Николай встает и, молча поклонившись, идет к выходу.

Вот и Царскосельский парк. Николай Серно-Соловьевич знал, что именно в это время, около восьми утра, царь обычно гуляет здесь. Более удобное место для встречи с ним трудно было придумать. Но ведь в парк не пускают посторонних. У входов стояли часовые.

Николай шел вдоль ограды.

«Она не так уж высока, — мелькнуло у него в голове. — А почему бы не воспользоваться этим? Не прилично? Но ведь дело не ждет!»

Николай оглянулся. Вокруг ни души. Через несколько секунд он был уже в парке.

Парк безлюден. Серно-Соловьевич свернул в одну из аллей, и, хоть уж много раз он до мельчайших подробностей представлял себе эту встречу, сердце его бешено заколотилось: по аллее, не видя его, неторопливо шел царь. С ним был мальчик, вероятно кто-то из его детей. Николай быстро пошел за ними. Мальчик первый услышал шаги и обернулся.

— Кто-то идет за нами.

Царь продолжал идти, не оборачиваясь.

— Он идет за нами, — повторил царевич.

Александр II обернулся. Николай был уже в двух шагах от него. Царь остановился, удивленно разглядывая незнакомца.

— Что вам надо? — резко спросил он.

— Хочу подать вашему величеству записку, — ответил Серно-Соловьевич, протягивая листки.

— На это есть канцелярия, — тоном, не допускающим возражений, изрек царь и, взяв сына за руку, пошел быстрее.

«Опять канцелярия? — пронеслось в голове Николая. — Нет, не для этого я ехал сюда!» — И он решительно пошел вслед за царем.

Тот обернулся.

— Что вам надо?!

— Хочу отдать записку вашему величеству в собственные руки, — настойчиво повторил Николай. — Она по крестьянскому вопросу. Я убедительно прошу ваше величество лично прочесть ее.

Царь посмотрел на него почти испуганно. Взгляд незнакомца был тверд и решителен.

— Кто вы такой? — спросил он.

— Надворный советник Николай Серно-Соловьевич, ваше величество.

Словно повинуюсь чьему-то приказу, Александр II взял из его рук бумагу и растерянно пробормотал:

— Хорошо, ступай!

На другой день, зайдя после службы к матери, Николай застал ее в слезах.

Плача, мать рассказала ему, что к ней приезжал брат. Он занимал довольно высокий пост и был хорошо осведомлен о делах, происходивших в высших сферах. Брат сообщил ей, что Николай позволил себе чудовищную выходку: осмелился ворваться к царю и вручить ему какую-то глупую записку.

— Нюнька, несчастный! Что ты натворил! — сквозь рыдания говорила мать. — Ты погубил себя! Он сказал, что тебя за это посадят в сумасшедший дом! Господи! Что теперь с тобой будет!

Николай, как мог, успокаивал мать, но у самого сердце было не на месте.

Через несколько дней его вызвали к председателю Государственного совета князю Орлову. Тот накинулся на него, едва Николай Серно-Соловьевич переступил порог приемной.

— Мальчишка, знаешь ли ты, что сделал бы с то-

бой покойный государь Николай Павлович, если бы ты осмелился подать ему такую записку? Он упрямал бы тебя туда, где не нашли бы и костей твоих! — Затем, помолчав, прибавил: — А государь Александр Николаевич так добр, что приказал тебя поцеловать. Целуй меня!

Орлов протянул вконец ошеломленному Николаю бумагу, где рукою царя было написано: «Призовите его и поблагодарите от моего имени. Скажите ему, что я не только на него не сержусь, но искренне благодарю за откровенное изложение настоящего положения дел, хотя пылкость юношества и повела его, быть может, слишком далеко... В этом молодом поколении много хорошего и истинно благородного. Россия должна от него многого ожидать».

С радостным волнением перечитывал Николай ответ царя. В искренности его он не сомневался. Ему и в голову не приходило, что вот таким же Иудиным поцелуем «наградил» в свое время Николай I казненного им потом Рылеева и отданного в солдатчину на муки и смерть поэта Полежаева. Не думал он, что пройдет совсем немного — каких-нибудь четыре года, и он на себе самом почувствует истинную цену монаршей милости. Да, через четыре года... в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости.

III

Вскоре после истории с запиской его послали работать делопроизводителем в Калужский губернский комитет по крестьянскому делу. Назначение это он принял с большим удовлетворением. Калужский комитет первым во всей России добился разрешения разрабатывать проект выкупа.

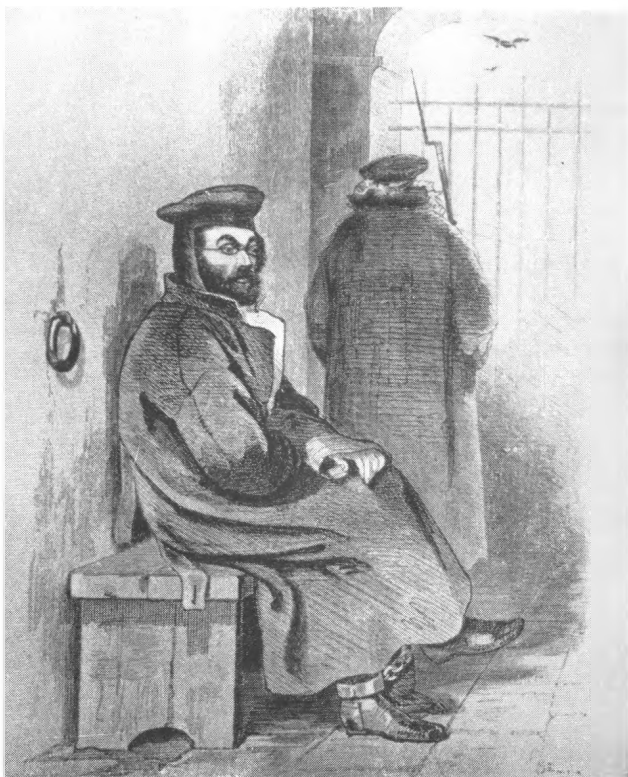
С присущими ему энергией и выносливостью, удивившим многих, Серно-Соловьевич взялся за дело. В течение семи месяцев он ежедневно работал по четырнадцать часов в сутки. Он был всего лишь делопроизводителем, но его энергия, убежденность и юношеская страстность оказали влияние на работу всего

Журнал «Современник».

Газета «Колоколъ».

М. И. Михайлов
в каземате.
Гравюра.

Страница прокламации
«Что нужно народу?».

комитета. Несмотря на бешеное сопротивление «плантаторов»¹, люто возненавидевших его, проект вышел одним из самых либеральных. А крепостников было немало в Калужском комитете. Впрочем, так было во всех губернских комитетах России. «Плантаторы» всячески тормозили подготовку реформ, пытались все дело освобождения крестьян свести на нет. Либералы же, понимавшие в той или иной степени необходимость перемены, произносили громкие речи, громили отсталость и ругинерство, зывали к мудрости и человеколюбию и... сочиняли проекты, фактически оставлявшие крестьян почти такими же бесправными и едва ли не более нищими, чем при крепостном праве.

Конечно, даже самые «отважные» из либералов не поднимались до сознания того, что только крестьяне являются единственно законными владельцами земли.

Среди лиц, игравших значительную роль в подготовке проекта выкупа, было несколько амнистированных декабристов и петрашевцев. Революционное прошлое этих людей не могло не наложить отпечатка на их дела. И естественно, что Николай Серно-Соловьевич сблизился с ними, а с Николаем Сергеевичем Кашкиным подружился. Работа в Калуге и общение с этими людьми помогли Серно-Соловьевичу многое понять. В Калуге он снова взялся за перо, чтобы на этот раз обратиться не к одному человеку, а ко всем читающим. Он решил написать о деле, которое на первый взгляд имело значение только для одного города.

В то время в Калуге собирались открыть женскую гимназию. Дело нужное и полезное. Казалось бы, что дурного можно было усмотреть в нем? Но нашлось немало рутинеров, воспротивившихся этому.

Николай решил дать им отповедь. В начале 1859 года в газете «Московские ведомости» появилась остроумная и резкая статья за подписью «Один из многих», убедительно доказавшая пользу откры-

¹ Так называл Герцен помещиков-крепостников.

тия гимназии. В Калуге на статью сразу же все обратили внимание. «Держиморды от просвещения» вынуждены были приумолкнуть. Гимназию вскоре открыли.

На статью обратили внимание и те, к кому она менее всего была обращена. В Петербург полетело донесение жандармского подполковника Смирнова, в котором обращалось внимание начальства на «Одного из многих». Правда, при всех своих способностях к выискиванию крамолы «голубые мундиры» не смогли обнаружить таковой в статье, но вольнодумный тон ее не прошел незамеченным. Николай Серно-Соловьевич попал в поле зрения недремлющего ока — Третьего отделения. Вскоре тот же жандармский подполковник донес о вещах более «криминальных»:

«По общим отзывам, Серно-Соловьевич весьма часто высказывал в суждениях своих нерасположение к существующему в России государственному управлению и выражал особенное сочувствие к изгнаннику Герцену».

Срок, на который был послан в Калугу Николай, истек. Жалко было уезжать оттуда. Серно-Соловьевич крепко привязался к городу, к людям, особенно к Кашкину. Но то, с чем пришлось потом столкнуться в Петербурге, обращало эту грусть в тоску, а подчас и в ярость. В самом деле, как трудно ни было в Калуге, как ни была изнурительна борьба с крепостниками, но там все же что-то делали. А здесь?!

С первых же дней по возвращении в Петербург он окунулся в обстановку канители, непролазной формалистики. Вскоре он понял: ничего путного в этих канцеляриях сделать нельзя.

Нет, с этим он не может мириться! Надо что-то предпринять. Николай ищет какое-нибудь полезное дело на общественном поприще. Он вступает в Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в которое входили Чернышевский и Тургенев.

В работе общества, как, впрочем, и в любом деле, за которое брался Николай, он принимает деятельное участие; он стремится найти семью казенного Ры-

леева, чтобы оказать ей помощь, и выполняет другие поручения.

Одновременно он берется вести отдел иностранной хроники в «Журнале для акционеров», издаваемом Трубниковым. Эта работа очень заинтересовала его. Сопоставление экономической и политической жизни Европы и Америки с жизнью России еще раз убедило Николая в том, насколько отстали и консервативны все порядки в России.

Как-то ему довелось столкнуться с деятельностью акционерного общества «Сельский хозяин». Под европейской личиной его директоров оказалось нутро недоброй памяти подьячих XVII века — то же стяжательство и беззастенчивое казнокрадство. И тогда Николай написал статью, вскрывшую злоупотребления этой компании. Статья имела большой общественный резонанс. «Сельского хозяина» удалось вывести на чистую воду. Но разве это могло что-нибудь изменить?

Все больше и больше крепло убеждение: при абсолютизме, при самодержавии невозможно осуществить серьезные мероприятия, удовлетворяющие интересы народа. А реформа? Исправит ли она положение? Даже если будет осуществлен немедленный выкуп, начисто отменяющий барщину, то есть то, чего добиваются наиболее либеральные участники разработки проектов реформ и на чем настаивал и он сам, — это все же не решит дела коренным образом. Нужны перемены решительно во всем!

Но как должны быть они осуществлены? Что сам он должен делать? Не с кем было даже посоветоваться. Самым близким ему человеком был брат Александр. Он имел большое влияние на Николая, хотя и был четырьмя годами моложе его, но в те дни он, Александр, был за границей.

Николай часто думал о брате. Да, они всегда были очень близки, но все же кое-что в Александре было ему непонятно.

«Александр прекрасно кончил лицей, — думал Николай. — Он способный, мог бы сделать блестящую карьеру. Почему же он не служит? Предпочи-

тает разъезжать по Европе с больной матерью. Правда, у него и самого здоровье скверное, ему тоже необходимо лечение. Но в этом ли дело? Может быть, у него есть особые причины, заставляющие отказаться от службы? Может быть, он знает и понимает что-то, недоступное мне?»

Николай не ошибался. Александр действительно многое понял раньше его. Сопоставление жизни России и Европы скоро заставило его, как писал он сам, «дивиться нашему застою» и сказать резкое «Нет!» казенной службе.

В середине 1859 года Александр вернулся в Петербург. Николай несказанно обрадовался его приезду. Первый же вечер они провели вместе. Долго и откровенно рассказывал Николай о своих муках и сомнениях.

— Ты не можешь себе представить, Саша, до чего тяжело стало работать. Ни у кого нет ясной цели — идут, сами не зная куда. Я пытался как-то надумать хотя бы тех, с кем сталкивался на службе, — и что же? Как об стену горох! Добился только одного — стали косо смотреть на меня. Называют «красным», «революционером».

— Тебя это обижает? — спросил Александр.

— Напротив, скорее даже льстит. Но не в этом же дело. Пойми, я решительно не знаю, что делать дальше.

— Как что? — с наигранным удивлением возразил Александр. — Служи! Ты человек способный. Скоро до тайного советника дослужишься, а там, глядишь, лет этак через десяток — и в губернаторы попадешь или в министры.

— Не смейся, Сашка! Слишком много отдано этой работе. Быть так преданным крестьянскому вопросу, как я, и уйти, когда дело приходит к развязке?..

— К какой развязке?! — перебил Александр. — Ты же сам говоришь, что ничего путного выйти не может. Или жаль разочаровываться?

— Конечно, жаль, — вздохнул Николай, — разбить то, во что верил, куда как больно.

— А оставаться на службе и подавать руку на-

правлению, которому не сочувствуешь, лучше? Нет, Николай! Мало вздохов да проклятий. Нужно воспитывать в себе злобу! Старое здание сгнило, и надо не чинить его, а сломать — до основания!

— И ты ясно понимаешь, как это сделать?

— Да, понимаю! Ты что думаешь? Я за границей только по немецким докторам ездил да здоровьишко свое лечил? Как бы не так! Я ведь не только в Германии был. Я и дальше забирался. Вот где мозги-то подлечили!

— Где?! — удивленно спросил Николай. — Неужели в Лондоне? У Герцена?

— Да! — с торжеством и радостью ответил Александр. — Ах, Нюнька, какие это люди! Вот где по настоящему борются за обновление России. Не то что в канцелярии твоей!

Разговор с Александром помог Николаю преодолеть колебания.

В ноябре 1859 года решение было принято: Николай Серно-Соловьевич подает в отставку. Получив ее, он в январе 1860 года отправляется за границу.

Первое время пребывания за рубежом было не весело. В Аахене жила тяжело больная мать. В Кельне лечилась сестра, незадолго перед этим потерявшая сына. Николай не мог оставаться безучастным к страданию близких. По натуре отзывчивый и добрый, он сильно переживал их горести, стараясь помогать, чем только возможно. Большая часть времени уходила на разъезды между двумя городами. Так продолжалось полтора месяца. Наконец сестра стала поправляться, мать тоже почувствовала себя лучше. Можно было осуществить задуманное. Николай отправился в Лондон.

Не без некоторого смущения шел он к Герцену. Но первая же встреча с ним и Огаревым рассеяла все сомнения. Он увидел, что это не просто увлекающиеся люди и не фанатики. Две недели, проведенные в Лондоне (то было в феврале—марте 1860 года), оказали на Серно-Соловьевича огромное влияние. Николай чувствовал, что находит объяснение многим мучившим его вопросам.

«Лондонские изгнанники» сразу оценили ум и энергию Николая. «Да, — писал Огарев о Серно-Соловьевиче, — это деятель, а может, и организатор!»

Особенно сблизился Николай с Огаревым. Последний много занимался экономическими вопросами, которые так увлекали Серно-Соловьевича.

Они много говорили о России. Все помыслы были устремлены к ней. Жадно ловили каждую весть с родины. А вести были тревожные. Все больше убеждали они: от предстоящей реформы нельзя ждать чего-нибудь хорошего. И окончательно Николай утвердился в этой мысли, когда в Лондон пришло известие о том, что умер Ростовцев — председатель Главного комитета по крестьянскому делу, а на его место назначен граф Панин. Эта новость ошеломила Серно-Соловьевича. Вначале она показалась чьей-то глупой шуткой.

«Конечно, — думал Серно-Соловьевич, — Ростовцев был далеко не прогрессивный деятель. Но Панин! Отъявленный консерватор, идейный вождь всех плантаторов! Чудовищно!»

С газетой в руках Николай помчался к Герцену.

— Вы читали это? — спросил он еще с порога.

— Сподобился, — невесело усмехнулся Герцен.

— Но ведь это же...

От волнения Николай не находил слов.

— Да, — резко сказал Герцен. — Глава самой тупой реакции поставлен главою освобождения крестьян. Это вызов, это обдуманное оскорбление общественного мнения и уступка плантаторской партии. Не надо удивляться. Тон царствования изменился, а с ним должны измениться и все отношения... Этого следовало ожидать.

— Как важно теперь, чтобы это поняла вся Россия! — горячо отозвался Николай. — Необходимо писать об этом. Теперь же! Немедленно! Александр Иванович, я давно хотел вам сказать: я хочу писать для вас — для «Колокола». Непременно! У меня много есть что сказать!

— Спасибо, — тихо ответил Герцен. — Я ждал, что вы скажете это. Это очень нужно, чтобы нам писали именно из России. Ведь мы-то здесь, в изгнании, порой отстаем от того, что происходит там.

— Я буду писать! Много! И... я еще не говорил вам? Я начал писать большую статью — о решении крестьянского вопроса. Ведь от этого зависит все будущее России! Только для «Колокола» статья будет слишком велика — я вижу, что она разрастется в целую брошюру.

— Конечно, — согласился Герцен, — в газетной статье такая проблема не уместится. Но вы, конечно, понимаете, что в России этого никто не напечатает?

— Что ж, издам за границей. На свои деньги и под своим именем!

— Даже так? С открытым забралом? — улыбнулся Герцен. — А нужно ли — под своим?

— Да, нужно! Нам пора перестать бояться, — твердо ответил Николай.

— Что ж! Может быть, вы и правы. Но только помните — рано или поздно вам не поздоровится за это. Впрочем, если уж вступить на эту дорогу, надо быть ко всему готовым. Кому изгнание, а кому и... — Герцен не договорил и пристально посмотрел на Николая. — Так не боитесь?

— Нет!

Освеженным, бодрым, полным энергии больше, чем когда-либо, вернулся Николай из Лондона. Заехав ненадолго в Аахен к матери, он продолжил поездку по Европе.

Разумеется, эта поездка менее всего походила на путешествие праздного туриста. Николай присматривался к различным сторонам жизни Италии, Франции, Бельгии, Швейцарии. Неожиданно для себя убедился он, что казавшийся ему раньше прогрессивным (особенно в сравнении с крепостничеством!) капитализм уродлив и отвратителен. Капиталистическая экономика Европы уже начинала оборачиваться сво-

ими теневыми сторонами, и ему удалось разглядеть их.

«Я далеко не заражен славянофильством, — писал Николай Кашкину. — Но человек, сколько-нибудь присматривающийся к событиям, не может не видеть, что все основные начала европейской жизни, все элементы западного общества... идут к разложению».

С большим вниманием наблюдал Николай за рабочим движением. Конечно, осознать истинное значение его он не мог, но интуитивно сочувствовал ему.

Особое восхищение Николая вызвало освободительное движение в Италии. Сколько раз представлял он себя солдатом легендарной «тысячи» Гарибальди. Сражаться за свободу — что может быть прекраснее! И все-таки сердце рвалось в Россию. На родине он нужнее. Место его там. В декабре 1860 года Серно-Соловьевич возвращается в Петербург.

То было время большого общественного подъема. Все в России — иные с тревогой, иные с наивным предвкушением долгожданной свободы — ждали важных событий, ждали реформы. Но Николай, прекрасно осведомленный о ходе подготовки реформы, знакомый со взглядами людей, в руках которых находилось дело, отрешился от прекраснотушных иллюзий. Сидеть сложа руки было не в его характере. Надо было действовать! И всю свою энергию он вкладывал в дело. Литература, публицистика, просветительство — во всех этих областях неустанно трудился он. Но затаенное беспокойство не покидало его. Он чувствовал: чего-то не хватает в его деятельности. Николай уже сознавал, с чем и за что надо бороться. При самодержавии, при сохранении помещичьей собственности на землю немыслим настоящий прогресс. Но пути и средства борьбы были как в тумане. Нужен был какой-то осязаемый толчок, чтобы все его догадки, предположения, смутные замыслы (многие из них казались настолько дерзкими, что он боялся признаться в них даже самому себе!)

встали на свое место, чтобы дан был, наконец, ясный ответ на главный вопрос: что делать?

Такой толчок, наконец, был сделан.

Как-то в начале января 1861 года Николай зашел в редакцию «Современника» — журнала, который он давно полюбил и для которого уже писал. У него созрел замысел очередной статьи по поводу земской реформы. Нужно было поговорить с редактором отдела. Редактора на месте не оказалось, и Николай собрался уходить, как вдруг в коридоре чуть не столкнулся с каким-то человеком в очках. Вглядевшись, Николай узнал Чернышевского.

Этот человек давно привлекал внимание Николая. Статьями его он зачитывался. Еще в 1859 году он писал Кашкину: «Чернышевского ставлю положительно во главе всех наших публицистов». Несколько раз ему хотелось поговорить с Чернышевским, но все откладывал исполнение своего решения. Чернышевский почему-то казался ему недоступным, хотя был всего шестью годами старше. И Николай, не сробевший перед царем, как-то все не решался прийти к руководителю «Современника». Правда, они были знакомы по совместной работе в Обществе пособия нуждающимся литераторам, но знакомство было, что называется, шапочное, и Николай даже не был уверен, помнит ли его Чернышевский. Поэтому, поклонившись, он хотел уже пройти мимо, но Чернышевский поздоровался с ним и заговорил просто, легко, непринужденно, словно они расстались только вчера. Оказалось, что Чернышевский много слышал о Николае.

Внимательно и подробно расспрашивал он о его статье, о поездке за границу.

Наступили ранние петербургские сумерки, а они еще стояли на лестничной клетке и беседовали. Чернышевский спохватился первый.

— Ох, извините, я вас задерживаю, — сказал он и стал прощаться.

Николай, хоть у него и впрямь были дела, пытался возразить, но Чернышевский мягко прервал его:

— Да и мне тоже пора. Но, знаете, Николай Александрович, нам надо поговорить обстоятельней. Заходите ко мне, непременно заходите. Завтра же, хорошо? На Большую Московскую. Знаете?

Конечно, Николай зашел. Зашел — и с того дня, сначала один, а потом и с братом Александром, зачастил на Большую Московскую. Общество Чернышевского стало для него необходимым. Да и Чернышевский тоже привязался к нему. 7 февраля он писал Добролюбову: «Порадуйтесь, я в закадычной дружбе с Серно-Соловьевичем».

Дружба эта была плодотворной, особенно для Николая. Зародившаяся еще в юности интуитивная тяга к свободе окрепла при столкновении с безобразием российской действительности. Она приобрела характер убеждений в ивашевском кружке, сформировалась после знакомства с Герценом и Огаревым и теперь под влиянием Чернышевского окончательно превратилась у Серно-Соловьевича в непоколебимые и обоснованные убеждения революционера.

Наконец 19 февраля 1861 года был подписан, а 5 марта объявлен царский манифест об освобождении крестьян.

Опубликованное одновременно с манифестом Положение было столь уродливым, что возмутило даже наиболее либеральную часть поместного дворянства. Еще до объявления Положения против него протестовал тверской предводитель дворянства А. М. Унковский. В феврале 1862 года несогласие с Положением выразили 13 тверских дворян — мировых посредников. Вслед за ними от имени тверского дворянства был послан адрес царю, в котором также выражалось недовольство реформой. Конечно, все эти протесты были весьма умеренны и составлены в самой верноподданнической форме, но и для этого надо было бы обладать известным мужеством: царю уже надоело играть в либерализм. Унковский был послан в Вятку, 13 посредников заключены в Петропавловскую крепость (правда, ненадолго).

С грустной улыбкой читал Николай Серно-Соловьевич адреса и заявления этих деятелей — они

так живо напоминали его собственную записку царю. Время либерально-верноподданнических протестов для него кончилось.

Но большинство либералов встретили реформу ликованием: «Какая радость! Рабство на Руси умерло! Мужичок получил свободу из рук обожаемого царя-батюшки! Помилуйте, чего еще? Волки сыты, овцы целы!»... Но сам-то «мужичок» не радовался — в путаных и малопонятных словах манифеста не было того, чего он столько лет терпеливо ждал — настоящей воли.

Невиданная по своим размахам со времен Разина и Пугачева волна возмущения и бунтов прокатилась по России. Иногда они принимали характер настоящих восстаний, как восстание в селе Бездна под предводительством Антона Петрова.

В день, когда стало известно о зверском подавлении этого восстания и казни Антона Петрова, Николай и Александр Серно-Соловьевичи пришли к Чернышевскому.

Николай был задумчив, а Александр кипел от возмущения. Спокойным казался только Чернышевский. Ровным голосом читал он только что полученное им из Казани письмо. В нем рассказывалось о событиях в Бездне и откликах на них — о страстной речи профессора Щапова, о панихиде, устроенной студентами Казанского университета и духовной академии.

Чернышевский кончил читать. Воцарилось молчание. Николай первым прервал его.

— Да, Николай Гаврилович, вы были правы — Александр II скоро показал николаевские зубы. Все они, помазанники божии, одним миром мазаны, — неожиданно для себя скаламбурил он.

— Не миром, а кровью народной! — иступленно воскликнул Александр. — И сколько ее еще прольется!

— Да, — ответил Николай, — много. Но страшнее всего, что льется она бесполезно...

— И будет бесполезно, — прервал его Чернышевский, — до тех пор, пока все эти Бездны будут бун-

товать порознь, пока мы не сможем соединить их разом — в один всероссийский великий бунт!

Братья переглянулись. Так определенно Чернышевский никогда еще не говорил с ними.

В те дни исчезли последние сомнения Николая. Теперь он знал, что делать. С удесятеренной энергией продолжил он работу над начатой еще за границей брошюрой «Окончательное решение крестьянского вопроса». В июне 1861 года брошюра была закончена.

В июле того же года Серно-Соловьевич поехал в Берлин и издал там свое исследование, как и задумал, под собственным именем. В предисловии он писал:

«Я публикую его под своим именем, потому что думаю, что нам пора перестать бояться, потому что тот, кто хочет правды и справедливости, должен уметь безбоязненно стоять за них».

Можно себе представить, с какой яростью встретило правительство эту брошюру, — ведь революционное содержание ее было очевидно.

«Земля должна быть признана народной собственностью». Эта мысль красной нитью проходила через всю работу. «Крестьянский вопрос, искаженный Положением 19 февраля, разрешим только двумя способами — или общей выкупной мерой, или तोпорами — третьего исхода нет».

Но «иметь хоть тень надежды на осуществление этого проекта — значило бы... жестоко увлекаться... вся клика помещиков не пойдет на добровольные соглашения». Более того, в брошюре говорилось: «Людям, достаточно смелым, ничего не остается делать, как собирать силы для создания нового, лучшего порядка».

Естественно, правительство было ошеломлено такой смелостью. Настолько, что даже не посмело расправиться с Серно-Соловьевичем, хотя тут-то уж «состав преступления» был налицо. Но перчатка была брошена столь по-рыцарски, так открыто и мужественно, что стиснув зубы жандармы стали ждать более подходящего момента.

Да, Герцен не напрасно назвал Николая Серно-Соловьевича «последний маркиз Поза». При чтении «Окончательного решения» невольно вспоминались смелость и благородство, с которыми герой трагедии Шиллера бросил в лицо тирану гордые и прекрасные слова о свободе. С ним тоже не решились расправиться сразу. Но тираны не прощают правды. Прошло немного времени, и предательский выстрел из-за решетки оборвал жизнь маркиза Позы.

В XIX веке «просвещенные» тираны редко прибегали к столь примитивной форме убийства. У них были другие методы — более медленные, но мучительные и безотказные.

Положение в России становилось все более напряженным. Крестьянские бунты с возраставшей силой вспыхивали во всех уголках России. Свободолюбивая Польша вновь стояла накануне восстания. Поднималась на борьбу передовая интеллигенция. По университетам прокатились студенческие волнения. Царское правительство бесцеремонно принимало репрессивные меры. Выступления крестьян подавлялись свинцом и нагайкой. Участились аресты. Был закрыт Петербургский университет — на такое не решался даже Николай I. Но гонения лишь усиливали общий протест. Передовые люди русского общества все больше приходили к убеждению: нечего ждать перемен сверху — добиться их можно только силой.

Понимали это и братья Серно-Соловьевичи. Пылкий Александр давно уже рвался в бой. Для Николая тоже безвозвратно прошла пора раздумий и колебаний. «Собирать силы для создания нового, лучшего порядка» — этот девиз, провозглашенный им на страницах «Окончательного решения», стал отныне делом всей жизни.

Все чаще встречались братья с Чернышевским, Михайловым, Николаем и Владимиром Обручевыми, Слепцовым. Все жили одним: революция близка! Крестьяне уже показали, на что они способны.

А в 1863 году, когда будет закончено составление уставных грамот, когда народ вместо желанной воли найдет новое крепостное право, с невиданной силой разразится восстание.

«Все наши силы должны быть направлены на то, чтобы помочь ему, больше того — возглавить его и направить». Так думали братья Серно-Соловьевичи, так думали все единомышленники, собиравшиеся вместе с ними летом 1861 года. Дружеские беседы постепенно приняли характер организованных собраний: из горячих споров шаг за шагом, слово за словом вырабатывалась конкретная программа действий.

Организовать сильный нелегальный союз.

Объединить все тайные общества, зарождавшиеся во всех уголках России и в эмиграции.

Установить контакт с польскими и литовскими революционными организациями (на этом особенно настаивали братья Серно-Соловьевичи).

Но самое главное — то, без чего бессмысленна была всякая борьба: теснейшая связь с народом. Невозможно добиться чего-нибудь силами одного общества. И установлению такой связи должна быть подчинена вся деятельность союза — легальная и тайная.

Итак, необходимо возглавить крестьянскую революцию, уничтожить власть царского правительства, а затем созвать народное собрание — «земскую думу», которая отдала бы землю крестьянам без всякого выкупа, областям¹ — самостоятельность, а населению — те свободы, которые ведут к социализму².

Вскоре родилось название общества. Простое, понятное всем, выражающее в двух словах все чаянья народа — «Земля и воля».

Была разработана организационная структура общества. Чернышевский, бывший главным его вдохно-

¹ Имелись в виду области с нерусским населением.

² Подразумевается социализм в тогдашнем, утопическом понимании.

вителем, предложил систему пятерок как фундамента общества. Был избран Центральный народный комитет. Братья Николай и Александр вошли в него.

Начались дни напряженной работы. Необходимо было издавать литературу, предназначавшуюся для студентов, солдат, раскольников — всех, кто мог принять участие в революции, — и прежде всего, разумеется, для крестьян.

Николай Серно-Соловьевич отдавал все силы делу революционной пропаганды. Еще будучи за границей, он вместе с Николаем Обручевым, Огаревым и Микаэлом Налбандяном принял активное участие в составлении статьи-прокламации «Что нужно народу?».

Николаем же был написан и другой важный документ «Земли и воли» — статья «Ответ Великокоруссу».

Во второй половине 1861 года в Петербурге тайным «комитетом» было выпущено три прокламации под заголовками «Великорусс». В них резко осуждалась политика правительства Александра II. Прокламации призывали «общество», «просвещенную часть нации» взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства, добиться отмены сословно-крепостных отношений, созыва народных представителей для выработки конституции, отказаться от насильственного удерживания других народов в составе Российского государства.

Это обращение вызвало широкий отклик передовой части общества, но предложенные в нем конкретные меры, даже такие бескровные, как подача петиции царю, испугали либеральное большинство «просвещенной части нации». Либералы еще раз продемонстрировали свою трусость и неспособность к серьезной оппозиции.

Но это предвидели авторы «Великорусса». В их прокламации говорилось: «Если этот призыв не найдет отклика среди образованных классов, останется одно — призвать народ на дело, от которого отказались бы образованные классы».

Пропагандировать эту задачу и взялся Николай Серно-Соловьевич.

15 сентября 1861 года в «Колоколе» за знакомой уже читателю подписью «Один из многих» была напечатана статья «Ответ Великоруссу». В ней, горячо приветствуя самый факт вольного печатного слова, сказанного в Петербурге, Николай Серно-Соловьевич писал: «Время надежд и ожиданий прошло... Наступила пора борьбы решительной и беспощадной». Автор призывал обращаться не к «обществу», а к народу. «Общество» — это помещики и чиновники, — говорил он, — они никогда не пойдут взаправду против правительства. Наша опора — те несчетные массы, которым нечего ждать от существующего порядка — на эти массы мы и обопремся».

Решительно размежевавшись с либералами, Николай Серно-Соловьевич изложил затем принципы тактики, положенной в основу деятельности «Земли и воли»:

«Составление тайных центров, союзов, братств». Круг действий союзов должен быть широк. Надо писать, писать много и понятно народу: заводить тайные типографии, распространять напечатанное в народе и войске, обучать крестьян и солдат, сближать солдат с народом. Войти в сношения с раскольниками, казаками, ввозить заграничные издания, завести торговые и промышленные заведения и заготовить денежные и всякие средства.

«Наша цель — полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управлять самим собою, освобождение и свободный союз областей».

«Земля и воля» развернула широкую деятельность. Члены организации устанавливали связь с местными революционными организациями, создавали новые, распространяли по всей стране революционные прокламации.

В течение целого года Александр Серно-Соловьевич, не зная отдыха, по ночам печатал прокламации, а днем разносил их по всему Петербургу. Но наряду с нелегальной деятельностью землевольцы развернули и легальную, и здесь роль Серно-Соловьевичей была также значительна.

По совету активного деятеля «Земли и воли» А. А. Слепцова осенью 1861 года Николай Серно-Соловьевич открыл в Петербурге на Невском проспекте книжный магазин и при нем библиотеку с читальней. Это было чрезвычайно удачной находкой: в самом деле, ведь книжная торговля открывала большие возможности для распространения нелегальной литературы. Библиотека и читальня могли служить весьма удобными конспиративными явочными пунктами. Кроме того, магазин, библиотека и читальня могли внести серьезный вклад в дело народного просвещения.

Быстро росло число читателей, привлеченных необычностью новых предприятий.

Удивляться было чему: воспитанник лицея, бывший служащий Государственного совета, дворянин и вдруг... сделался купцом. Приказчики говорят на иностранных языках... Публика валом валила в магазин.

Особенную популярность он приобрел среди студенчества — ведь студентов там снабжали книгами чуть ли не даром!

Но библиотекой и магазином, к сожалению, заинтересовались не только друзья и сочувствовавшие.

Агенты Третьего отделения в поисках крамолы постоянно шныряли в магазине — вынюхивали, высматривали. Многие из них пытались под личиной революционеров втереться в доверие к Серно-Соловьевичу, но делали это так грубо, что не только Николай, человек, достаточно проницательный, но и любой гимназист распознавал в них шпики. Разумеется, Серно-Соловьевич выпроваживал их, но провокаторы лезли все нахальнее и настойчивей. Наконец терпение Николая лопнуло. Однажды он явился к обер-полицеймейстеру Петербурга, жандармскому генералу Потапову.

— Я убедительно прошу ваше превосходительство — распорядитесь не присылать ко мне этих болванов... этих господ, — заявил он. — Ведь это, наконец, не только неумно, но и оскорбительно.

— Действительно, болваны, — поморщился Потапов. — Но вы должны понимать, милостивый госу-

дарь, что ваши действия не могут не быть подозрительными. Я, конечно, не желаю вам никакого зла, но...

— А разве я делаю что-либо дурное? — возразил Николай.

— Дурное... — ироническим тоном повторил Потапов и вдруг, понизив голос, спросил так, словно этот вопрос уже давно не давал ему покоя: — Ну, а это... ваша книга... Ну, объясните мне — зачем вы написали это?

Николай пожал плечами:

— Там в предисловии все написано, ваше превосходительство. Мне нечего больше сказать об этом.

— Вам нечего сказать? — переспросил Потапов. — Ну, а я вам скажу одно слово: берегитесь!.. Надеюсь, вы все понимаете?

Конечно, Серно-Соловьевич все понимал. Он понимал и то, что, продолжая свою деятельность во время разгула реакции, он неизбежно разделит участь В. Обручева и Михайлова, арестованных незадолго перед тем.

Но он знал, на что идет. Страха не было. Вскоре совместно со Слепцовым Николай открыл еще одну читальню — в Гатчине. Там же он организовал и воскресные школы.

Он изыскивал новые тайные и легальные средства, которые могли бы оказать помощь деятельности «Земли и воли». Одним из таких средств явился шахматный клуб, открытый при его непосредственном участии в Петербурге в январе 1862 года. Это было учреждение внешне достаточно невинное и в то же время весьма удобное для конспиративных встреч и совещаний. Серно-Соловьевичу принадлежала и другая идея — создать легальный периодический печатный орган «Земли и воли». Одному «Современнику», в котором Серно-Соловьевич также принимал участие, было трудно выполнить эту роль. Журнал уже достаточно намолил глаза правительству, и поручиться за его долговечность было трудно.

К этому времени группа литераторов, в которую

входил Серно-Соловьевич, приступила к созданию на артельных началах журнала «Век». Но журналу не суждено было сыграть предназначавшейся ему роли. В редакции «Века» оказалось много лиц, придерживавшихся умеренных взглядов. Большинство редакции не желало придать «Веку» то направление, на котором настаивали Серно-Соловьевич, Шелгунов и их единомышленники.

Разногласия особенно обострились после того, как Н. Серно-Соловьевич принес в редакцию только что написанную им статью «Мысли вслух». В ней он подверг уничтожающей критике либералов, пытавшихся добиться каких-либо прогрессивных перемен в отрыве от народа.

Либеральные члены редакции возражали против этой статьи. Любители пустить слезу по страданиям народным и произнести громкую речь о необходимости освобождения крестьян, они в глубине души изрядно побаивались самого народа и, хотя не любили признаваться в этом, исповедовали лицемерный догмат «все для народа... но не народом» — тот самый, против которого была направлена статья Николая.

«Все для народа — и только народом!» — этот лозунг был основой ее. Напечатать такое значило попасть в «неблагонадежные», а то и... При одной мысли о казематах либералов прошибал холодный пот.

Стремясь предотвратить раскол, Николай созвал 27 марта 1862 года в помещении шахматного клуба всех членов редакции. Совещание было долгим.

Либералы доказывали, что для успеха журнала необходимо вести его, «конечно, прогрессивно, но лояльно! Непременно лояльно!..».

Николай не выдержал.

— Нам необходим журнал не для лояльного переливания из пустого в порожнее, а для помощи настоящему делу! — воскликнул он.

Воцарилось молчание. Роковое слово «восстание» не было произнесено, но, как ни старался Николай подобрать лояльное выражение, все поняли, что имелось в виду.

— Но, помилуйте, — заикаясь, проговорил кто-то, — нельзя же так резко. И вообще...

— И вообще своя рубашка ближе к телу, — язвительно закончил Николай. — Нет, господа, с вами каши не сварить!

Для большинства редакции это было уже слишком. Редакция раскололась — Серно-Соловьевич и Шелгунов вышли из ее состава.

Время шло. Реакция свирепела. Жестоко подавляемое стихийное крестьянское движение шло на убыль. Попытки «Земли и воли» установить связь с народом разбивались о вековую неорганизованность крестьянской массы. Революционеры-демократы по-прежнему ожидали всеобщего восстания крестьян в 1863 году, но одно им становилось ясно: подготовка революции — дело неизмеримо более сложное, чем они предполагали раньше.

В статье «Мысли вслух» Серно-Соловьевич писал, что революционная литература «выражает стремления кучки людей честных, хороших, но незначительных по числу, не имеющих никаких корней в народе и потому положительно бессильных. Грустно делать такое сознание, но сделать его необходимо».

А реакция тем временем переходила уже в открытое наступление. Братья Серно-Соловьевичи давно сделали для нее бельмом на глазу — и она использовала все возможности, чтобы хоть как-нибудь помешать их деятельности.

В июне 1862 года были закрыты читальня Серно-Соловьевича, воскресные школы и шахматный клуб. Но все это были еще полумеры — правительство готовило настоящую расправу, тщательно собирая материалы того, чтобы найти обоснование для нее. В начале 1862 года в дом Серно-Соловьевичей поступил на должность лакея агент Третьего отделения. Его чрезмерное любопытство вскоре бросилось братьям в глаза, и под благовидным предлогом Николай рассчитал его. Потерпев очередной провал, Третье отделение решило действовать более прямолинейно:

намечено было провести одновременно обыск у ряда «подозрительных» лиц («авось удастся найти компрометирующие материалы!»). И, конечно, в списке «крамольников» значились Николай и Александр Серно-Соловьевичи.

Но до обыска дело не дошло — предлог для расправы представился раньше.

24 июня того же 1862 года из Лондона в Петербург возвращался служащий торговой фирмы Ветошников, вызывавшийся доставить в Россию несколько писем от Герцена, Огарева и Бакунина. Об этом узнал провокатор Перетц — штатный агент Третьего отделения, вошедший в доверие к Герцену. Как только пароход вошел в русские воды, Ветошников был арестован. Легко представить себе ликование инквизиторов из Третьего отделения, когда они читали изъятые письма. В них упоминалось столько имен, а среди них — ненавистнейшие из ненавистных — Чернышевский и Н. Серно-Соловьевич!

Связь с лондонскими пропагандистами! Это был уже «состав преступления» и — наконец-то! — «законный» повод для ареста.

7 июля вечером, придя домой, Николай Серно-Соловьевич был встречен ожидавшими его уже три часа жандармами под предводительством генерал-майора Ливенталя. Часа через два незваные гости покинули дом, прихватив с собой хозяина и его бумаги.

Вечером того же дня за Николаем захлопнулась дверь одиночной камеры Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Туда же был препровожден Чернышевский, а за ними — все, кого удалось арестовать по обвинению в связях с «лондонскими пропагандистами». Избежать ареста удалось лишь троим, оказавшимся в то время за границей. Среди них был Александр Серно-Соловьевич. Еще весной он выехал из России — сначала в Кенигсберг, для организации транспортировки нелегальной литературы, а затем в Англию и Швейцарию — для лечения.

IV

Дело Серно-Соловьевича было передано в специально учрежденную царем следственную комиссию под председательством князя Голицына, печально известного своими талантами в малопочтенной роли сыщика. В задачи комиссии входило: «расследовать причину смуты, обнаружить всех, так или иначе ее посевающих, и вырвать с корнем революцию из русской жизни(!)». Насколько успешно справилась комиссия с этими задачами, особенно с последней, понять нетрудно, но «черновую» сыскную работу она выполняла довольно старательно, хотя и без особой спешки: за время следствия членам комиссии полагались повышенные суточные и ряд привилегий по службе. Торопиться смысла не имело.

Вероятно, поэтому первый допрос Николаю был учинен только через три месяца после ареста. Может быть, комиссия уповала еще и на то, что у человека, просидевшего три месяца в одиночестве и безвестности, скорее развяжется язык. Никому не разрешали и свиданий с Николаем. Даже переписываться с братом Владимиром ему было разрешено только в сентябре. При этом вся корреспонденция тщательнейшим образом просматривалась. Письма, в которых можно было усмотреть — с основанием или без (чаще без) — какой-либо намек на условные выражения, изымались и подшивались к делу.

Первые вести с воли были нерадостны. В частности, Владимир сообщил ему, что помещение, где прежде была читальня, сдается под пивную!

«Это, — писал в ответ Николай, — возбуждает во мне много дум. Что может быть характеристичнее: закрытая читальня сменяется пивной... Недостаёт, чтобы сняли мою квартиру под публичный дом!»

Но ни одиночество, ни оторванность от внешнего мира не в состоянии были поколебать твердость его духа и самообладание. Когда 16 октября Николая вызвали на первый допрос, комиссия была неприятно поражена: арестант выглядел бодрым и спокойным, ответы его были кратки и обдуманно. В них не было

решительно ничего, на чем можно было бы построить обвинение. Связь с лондонскими изгнанниками Николай Серно-Соловьевич отрицал. Комиссия потребовала ответов более определенных. Николай отвечал, что ничего нового сообщить не может, разве только повторить прежние показания. Взбешенные члены комиссии пригрозили привлечь его к ответственности за дачу ложных показаний. Николай молчал.

Тогда комиссия составила большой перечень вопросов, рассчитывая, вероятно, запутать Серно-Соловьевича в мелочах и поймать его хоть на какой-нибудь несообразности. 5, 8 и 11 декабря ему учинили продолжительные допросы — результат их был для комиссии не более утешителен: на самые каверзные вопросы Николай отвечал действительно пространно, но так, что придаться было не к чему.

Большие надежды комиссия возлагала, очевидно, на вопросы о причинах, побудивших Николая написать свои работы, особенно «Окончательное решение». Серно-Соловьевич с достоинством парировал эти вопросы, неопровержимо доказывая, что делал он все исключительно для пользы отечества (тут ему и не нужно было как-либо выкручиваться!). А все заявления о недозволенности подобных писаний он остроумно отражал ссылками на лицемерные высказывания... самого царя!

Комиссия бесилась, но ничего сделать не смогла; многие ответы Николая загнали ее в тупик, а найти подходящих улик так и не удалось.

Отчаявшись добиться чего-нибудь от Серно-Соловьевича, комиссия занялась допросами других обвиняемых — там дело шло несколько легче: такой твердостью духа, как Николай, не многие могли похвалиться. Вообще надо сказать, что многие из арестованных в первые же дни смалодушничили и, униженно вымаливая пощаду, выдавали всех и вся. Но материала для «законного обвинения» было еще недостаточно. Лучше других о деятельности Николая, несомненно, знал его брат Александр Серно-Соловьевич, но он был за границей.

Вот если бы удалось заполучить его обратно!

И комиссия послала Александру официальную бумагу с категорическим требованием немедленно вернуться в Россию. Вызов застал Александра в Лондоне. Первой мыслью по получении его было: «Брат и Чернышевский за решеткой, а я — здесь?! Но вернуться в Россию, с тем чтобы прибавить к числу узников еще одного? Нет, явно не стоит доставлять палачам такое удовольствие. Надо продолжать начатое дело хотя бы в изгнании — другого решения быть не может».

Скомканная бумага с вызовом полетела под стол, а в Российское посольство было послано резкое и лаконичное уведомление, что он, Александр Серно-Соловьевич, отказывается выполнить предписание и остается за границей в качестве политического эмигранта.

Арест Чернышевского и брата заставил его отказаться от личных планов. Лечение было заброшено. Работать, только работать! Он должен хоть сколько-нибудь заменить собой товарищей, вырванных из рядов борцов.

Приближался 1863 год — в это время в связи с истечением срока составления уставных грамот ожидалась новая волна крестьянских волнений. Надо было поддержать крестьянское движение, направить его в нужное русло. Для этого требовалось большое количество агитационного материала, а значит, и новые издания, новые типографии. Александр переезжает в Швейцарию. В конце осени 1862 года в Берне он создает новую русскую типографию и начинает переговоры с Герценом об объединении вольной русской печати.

А для Николая вновь потянулись однообразные дни и месяцы заключения в крепости. Допросов больше не было. Нельзя сказать, чтобы Николай жалел об этом. Допросы, конечно, вещь малоприятная. Но все же это была борьба, хотя и безнадежная, — слишком неравным было положение сторон.

Эта борьба требовала напряжения ума, душевных сил, выносливости, сообразительности. А так что оставалось делать? Неподвижно лежать, перебирать

в уме прошлое... слушать шаги часового? Но это путь к безволию, к безумию, к смерти заживо.

«Нет, как бы не так! Работа — вот спасение!» И Николай взялся за работу. Он писал новые проекты финансовых реформ, статьи по экономике, философии, стихи, поэмы, пьесы, делал переводы — ни одного дня без работы. Минутами приходила коварная мысль: «А зачем? Ведь все это увязнет в комиссиях и канцеляриях». Но он гнал ее.

«Нет! Моя работа нужна. Ведь что-то должно просочиться на волю! Ведь это будут читать! Пусть даже враги. Пусть! Может быть, и они поймут хоть немного, что нужно России. И пусть они знают, что и здесь, в крепости, я, непобежденный, работаю для своего отечества!»

Снова и снова — убедительно и страстно — Николай Серно-Соловьевич доказывает: необходимо утвердить в России начала гражданской свободы, дать всевозможные амнистии, созвать выборных от всего государства, предоставить государственную независимость Польше, Финляндии, самоуправление — Украине, Белоруссии, Прибалтике. «В будущем и во внутренней и во внешней политике неуклонно следовать началам свободы — только это спасет Россию от морального, военного, экономического и политического краха».

6 февраля 1863 года Николай обратился в сенат, куда в начале 1863 года было передано ведение следствия, с прошением о допущении его на основании закона к чтению материалов судопроизводства. Разрешение было получено лишь в декабре. Прочитав материалы, он убедился, что скрывать более свою связь с Герценом и Огаревым бесполезно: в ходе следствия, главным образом из-за малодушия ряда обвиняемых, она была доказана неопровержимо. Что оставалось делать? Серно-Соловьевич 16 января 1864 года написал пространнейшее заявление на имя царя.

По форме это было «всеподданнейшее» прошение — так требовали правила. Но стандартным обращением формальное сходство исчерпывалось.

В послании, признавая самый факт знакомства с Герценом и Огаревым, Николай отрицал, что между ними было что-то большее, чем личное знакомство, и утверждал, что не разделяет всех их мнений. Но что мог дать этот компромисс? Конечно, стоило бы только написать о Герцене и Огареве что-либо компрометирующее — и участь его была бы облегчена. Но это было невозможно для Николая.

«Притвориться отступником — куда ни шло, но стать предателем? Нет!» И Николай написал: «Узнав их лично, трудно не отдать справедливости их серьезному уму и бескорыстной любви к России».

Разумеется, такой отзыв о людях, официально признанных изменниками и преступниками, самое упоминание имен которых считалось предосудительным, было делом гибельным. Николай, естественно, понимал это. Но как иначе поступить? Снова изложив свои взгляды по вопросам устройства России, Серно-Соловьевич закончил: «Какая бы участь ни ждала меня, я встречу ее с твердостью... Вся моя вина — убеждения, а они враждебны только тем, кто не дорожит благом отечества!»

Через несколько дней Николаю стало известно распоряжение правительства: «Обо всех лицах, которые при ведении об них дел... покажут полное раскаяние и готовность к открытию преступлений, делать особое представление его величеству».

«Представление его величеству!.. За что?! За предательство и донос? Да, господа, вы недвусмысленно позваниваете тридцатью сребрениками. Но иудой вы меня не сделаете. А полное раскаянье? Что ж, попытаемся его изобразить! Может быть, удастся вырваться хоть на поруки».

26 января Николай подал второе «всеподданнейшее» прошение. Но такого раскаяния, которое устраивало бы царские власти, в нем не было!

«Я свято сохранил свои прежние убеждения и перестал бы уважать себя, если бы изменил им, — писал Николай во втором прошении. — Я не отрекаюсь от своих убеждений, не поношу ни их, ни людей, неприятных правительству. Я не называю сообщ-

ников. По своим понятиям о чести я скорее пошел бы на казнь, чем сделался иудой... Все эти люди — не злоумышленники, а люди сильных убеждений...» «Старый государственный порядок кончил свое существование в истории, переворот в государстве неизбежен, потому что совершился переворот в понятиях... Другая система — свобода».

Естественно, что после такого «всеподданнейшего» прошения в выдаче Серно-Соловьевича на поруки было категорически отказано.

Возникает лишь вопрос: зачем Серно-Соловьевич, давно убедившийся, что от правительства ничего хорошего ждать нельзя, стал метать бисер перед свиньями, писать царю, доказывать правительству необходимость конституции, политических преобразований, гражданских свобод?

Подобно тому как человек, бесчестный сам, меля всех людей на свой аршин, ждет от них подвоха и подлости, так разумный и благороднейший Серно-Соловьевич все-таки до конца пытался найти хотя бы остатки благородства и разума там, где их не могло быть.

Шло время. Мрачные и сырые стены одиночной камеры день за днем подтачивали здоровье. Но мужество и непоколебимая вера в победу ни на минуту не оставляли Николая. Ими проникнуты все его произведения, написанные в крепости. Помимо работ научных и политических, Николай серьезно занялся литературным творчеством. Он написал две пятиактные драмы в стихах — «Андроник» и «Кто лучше», перевел мистерию Байрона «Каин», привлекающую его страстным романтическим богоборством. В крепости им же было написано также несколько политических и лирических стихотворений. И во всем, что бы ни писал Николай, свобода и борьба остаются его боевым девизом.

Дело Н. Серно-Соловьевича медленно, но верно подвигалось к концу. Ни комиссии, ни сенату так и не удалось найти явных доказательств его преступ-

лений. Впрочем, они в доказательствах особенно не нуждались: осуждение его было предreshено. Николай это отлично понимал. В письме брату Александру (письмо было перехвачено Третьим отделением) он писал: «Я при следствии отверг все до одного обвинения, но всевозможные искажения были сделаны... Указ, предавший суду, обвинял в государственном преступлении, а потому всякие усилия бесплодны... Впрочем, пусть говорят, что хотят!.. Единственный суд над моими поступками, имеющий для меня значение, — мой собственный. Каторга меня не пугает».

Письмо Николай закончил гордыми словами из своей трагедии «Андроник»:

Как ровно бьется сердце... Ты покойно,
Ты праведно. Я бережно хранил...
В себе твой идеал, свою святыню,
И сохранил его до сей минуты,
И не подался ни на шаг назад!
Да, я могу геройски умереть
И чистым победить!

10 марта 1864 года Серно-Соловьевичу было предложено присутствовать на слушании дела. Николай отказался — унижительно было бы для него принимать участие в этой комедии с заранее заготовленным концом.

10 декабря сенат вынес приговор:

«Отставного надворного советника Николая Серно-Соловьевича, 29 лет, за участие в злоумышлении с лондонскими пропагандистами против русского правительства, за распространение заграничных сочинений преступного содержания... за дерзостное порицание действий правительства и самого образа правления — лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на двенадцать лет, а затем поселить в Сибири навсегда».

19 апреля 1865 года Государственный совет по просьбе матери Серно-Соловьевича «смягчил» приговор, отменив каторгу, но оставив поселение в Сибири навсегда.

Что ж, правая рука ведала, что делает левая! Сознательно предложить заведомо завышенную меру наказания, чтобы потом «милостиво смягчить» ее, — прием старый, и едва ли он мог произвести впечатление. На «мнении Государственного совета» Александр II начертал: «Быть по сему».

6 апреля Николай Серно-Соловьевич сделал последнюю попытку добиться освобождения. Он написал письмо царю.

Разумеется, это не была униженная мольба о пощаде. С достоинством и прямоотой подчеркнув, что он не стал отступником и не изменил своих убеждений, Николай еще раз попытался доказать, что такие люди, как он, нужны России, а потому просил дать ему возможность трудиться, чтобы «служить одной общей цели: величию и счастьем России».

Надо ли говорить, что царь оставил приговор в силе?

27 апреля 1865 года приговор был объявлен в сенате при открытых дверях.

При чтении приговора Серно-Соловьевич, по свидетельству современника, «держал себя благородно донельзя и даже, когда читали сентенцию «по просьбе матери», сказал: «Я ее об этом не просил».

С таким же достоинством держался он 2 июня на Мытнинской площади, где над ним был совершен обряд гражданской казни. Все было устроено так же, как и с Чернышевским, как и с Михайловым, — фантазия устроителей не отличалась разнообразием.

Впрочем, одно нововведение они все-таки внесли: к месту казни Серно-Соловьевич был доставлен не в закрытой карете, а в какой-то нелепой колеснице — видимо, «чернильные инквизиторы» (по выражению Герцена) пытались хотя бы этим унижить ненавистного им человека.

Два дня спустя Серно-Соловьевича препроводили в пересыльную тюрьму, а оттуда через Москву и Нижний Новгород — в Сибирь.

V

Александр Серно-Соловьевичу приговор был вынесен заочно. В случае возвращения в Россию его ожидали каторга и ссылка. Но поскольку применение таких мер к человеку, находящемуся за границей, было вне возможностей правительства, решено было считать его изгнанным из России и лишить всех прав состояния или, попросту говоря, ограбить.

Приговор вызвал у Александра лишь горькую усмешку: уж он-то меньше, чем кто-либо, рассчитывал на милость судей. Правда, приговор оставлял его без всяких средств к существованию, но к этому он давно уже был готов.

Было слишком много дел. После поражения польского восстания и массовых репрессий в России за границу (в основном в Швейцарию) хлынуло большое число революционных эмигрантов. Надо было найти им приют и работу, а главное — создать из них революционную организацию, готовую продолжать борьбу. Этому делу и посвятил себя Александр.

С 1863 года он жил в Цюрихе. Вместе с ним жили лицейский друг А. А. Черкесов, П. И. Якоби, В. А. Голицына и Л. П. Шелгунова (жена известного публициста Н. В. Шелгунова). Она приехала в Швейцарию в 1863 году, приехала открыто, оставаясь русской подданной. Не будучи эмигранткой, Шелгунова принимала большое участие во всех эмигрантских делах. Вскоре она организовала пансион для эмигрантов. Это было большой поддержкой для изгнанников, оставшихся без родины, без дома, без средств.

Сплотившийся вокруг Серно-Соловьевича круг единомышленников вскоре стал ядром «Молодой эмиграции» — под таким названием вошли в историю участники революционного движения 60-х годов, собравшиеся тогда в Швейцарии. Все они горели желанием продолжать борьбу, но условия, в которых они оказались, были очень тяжелыми: не было средств.

Если бы удалось наладить отношения со «Старой эмиграцией», с Герценом и Огаревым, это, конечно, могло бы значительно облегчить их положение. Но эти отношения были довольно натянутыми. И не случайно. Самое название «Молодая эмиграция» отражало не только возраст ее членов. Это было уже новое поколение — разночинцев по происхождению, демократов по убеждениям, революционеров по деятельности. Воспитанные на сочинениях Чернышевского и Добролюбова, на собственном опыте испытывавшие террор царизма, они не представляли себе иных путей преобразования России, кроме открытой революционной борьбы. Ко всяким отклонениям «старых» в сторону либерализма они относились в высшей степени непримиримо; самую мысль добиться свободы мирным путем (а такие высказывания нередко появлялись на страницах «Колокола») они рассматривали как предательство.

В результате получалось, что «старые» и «молодые» часто говорили на разных языках.

Но при всех разногласиях обе группы эмиграции жаждали одного — освобождения отечества, а для борьбы с общими врагами необходимо было единство действий.

С обеих сторон предпринимались неоднократные попытки добиться этого единства. Но большая часть этих попыток разбивалась о взаимное недоверие, а главное — все увеличивающуюся разницу во взглядах.

В конце декабря 1864 года в Женеве собрался съезд русской эмиграции. Из Лондона приехал Герцен. «Молодая эмиграция», возглавляемая Александром Серно-Соловьевичем, выдвинула свои требования: оказание Герценом помощи в издании общеэмигрантского органа или введение в редакцию «Колокола» на равных правах представителей «Молодой эмиграции».

Переговоры продолжались несколько дней. В результате их было принято компромиссное соглашение. Казалось, контакт был установлен. Но соглашение фактически сводило на нет все требования «Молодой эмиграции». В требованиях «молодых» Герцен

усмотрел прежде всего попытку захватить в свои руки «Колокол», хотя в действительности Александр Серно-Соловьевич и не думал о каком-либо захвате. Он лишь добивался, чтобы «Молодая эмиграция» была представлена в «Колоколе» на равных правах. Перед самым отъездом Герцена от имени А. Серно-Соловьевича и Якоби ему было вручено требование: «Колокол» издавать по большинству голосов». Соглашение было сорвано — все осталось по-старому.

Это не привело к полному разрыву; внешне отношения продолжали оставаться приличными. Но трещина продолжала углубляться.

Это тяжело подействовало на Александра: ведь фактически он сам сорвал соглашение. Он не мог поступить иначе, но от сознания собственной правоты легче не становилось.

А к этому прибавилось еще столько горя. Приговоры Чернышевскому, Николаю, наконец, ему самому, поражение польского восстания... Все эти беды, накапливавшиеся в течение последних лет, в соединении с непосильной работой и нерегулярным лечением вконец подорвали его здоровье. Начались частые потери памяти, бред. В середине марта 1865 года он был вынужден лечь в психиатрическую клинику, где пробыл больше года.

VIII

В сентябре 1865 года Николая Серно-Соловьевича везли в Сибирь.

Полной грудью вдыхал он свежий осенний воздух. Жадно всматривался в открывавшиеся ему картины русской природы, в лица людей. Всего этого он не видел три года! Конечно, следование по этапу в ссылку — путешествие далёко не увеселительное, но после трех лет сырого и мрачного каземата и оно было счастьем. Сила воли Николая превозмогла все ужасы одиночного заключения. Одни умирали, другие теряли рассудок. Николай выдержал. Но это давалось ему нелегко. Еще из крепости он писал брату

Н. В. Шелгунов.

Николай Серно-Соловьёвич

Александр: «Силы подтачиваются, весь расклеиваешься, и сила ума подавляется, как и все прочее. Бывают дни, когда я не в состоянии думать... Порою просто невыносимо. Но я берегу себя сколько возможно... все восстановится на свежем воздухе, хоть и в кандалах...»

Это было уже позади. Теперь были свежий воздух и возможность передвигаться без кандалов.

Николай чувствовал, как с каждым днем возвращаются к нему силы и энергия.

И первая мысль его по выходе из крепости была о побеге. Но вскоре она сменилась другой.

После подавления польского восстания 1863 года в Сибирь было сослано несколько десятков тысяч поляков. Среди них было много участников восстания, которым удалось избежать виселицы. Осенью и весной, во время бездорожья, вся масса ссыльных месяцами концентрировалась в главных сибирских острогах. В одном из них, красnojарском, Серно-Соловьевич сблизился с группой активных участников польского восстания, особенно с Павлом Ляндовским. Все они также первоначально думали о побеге — никто из них не собирался безропотно оставаться всю жизнь в ссылке. Индивидуальные побеги были вполне возможны, но желающих было слишком много, а бежать в одиночку, бросив товарищей по несчастью, было бесчестно. Но массовое освобождение — это уже вооруженная борьба! И постепенно мысли Серно-Соловьевича и его польских товарищей приобретают ясное направление: нужно готовить восстание!

Среди поляков было значительное количество военных и людей, так или иначе знакомых с военным делом, — все они горели жаждой мести и освобождения. Среди населения Сибири также было много ссыльных, которые, несомненно, могли бы оказать поддержку восстанию. Николай по всему пути следования часто говорил с местными жителями. Ему казалось, что они настроены достаточно бунтарски. Нельзя было сбрасывать со счетов и нерусское население Сибири, угнетаемое царской властью, — татар,

казахов, бурятов и других. Ведь национальные меньшинства России принимали участие в крестьянских войнах при Разине, при Пугачеве, да и сами частенько восставали... А восстание, вспыхнувшее в Сибири, могло перекинуться на всю Россию!

От разговоров перешли к делу. Была создана тайная организация. Николай был избран ее кассиром. Одним из членов организации, полковником Валентином Левандовским, были разработана структура органов, которые должны руководить восстанием, организация тайной печати, приобретение оружия, развертывание пропаганды для привлечения к восстанию широких масс крестьянства и учащейся молодежи. Серно-Соловьевичем был написан программный документ восстания — воззвание к народу, войску и ссыльным полякам. Решено было распространить его по всей Сибири. В воззвании говорилось:

«Во имя правды и воли и ради благополучия всех и каждого. Братья! У нас нет ни правды, ни воли. Народ страдает и мучится, а начальство сосет его кровь и тешится... Братья! Довольно грешить и страдать! Будет помогать беззакониям начальников! У них нет никакой силы, кроме нашей... Вся сила в народе.

Поляки! Вы, сосланные в Сибирь за вашу отчизну, вы, мученики за волю... встаньте дружно до одного человека вместе с народом за отечество и волю. Народ! Встань честно, смело и дружно за правду и волю!»

В декабре 1865 года Серно-Соловьевич, пользовавшийся как ссыльный относительной свободой передвижения, выехал из Канска в Иркутск. Незадолго перед отъездом он написал письмо В. В. Ивашевой (вышедшей впоследствии замуж за его соратника по «Земле и воле» А. А. Черкесова). К письму было приложено последнее стихотворение Н. А. Серно-Соловьевича. В нем были такие строки:

...Я не создан невольником петь.
Я тогда воспою этот край,
Когда воля посеет в нем рай
И проснувшийся разум сотрет
Человека осиливший гнет...

Поэт мечтал о том времени, когда в Сибири — крае, где звон цепей да стоны узников заглушали все звуки жизни, свободный человек создаст себе жизнь разумную и прекрасную. Но Николай Серно-Соловьевич не дожил до этой поры. Не дожил он и до восстания. Оно началось в июне 1866 года на Кругобайкальской дороге, но было жестоко подавлено.

Пребывание в крепости и все условия, в которые были поставлены царским правительством люди, сосланные в Сибирь, сделали свое дело: 14 февраля 1866 года на 32-м году жизни Николай Серно-Соловьевич скончался. 10 марта 1866 года его родственниками была получена нелепая телеграмма: «Серно-Соловьевич божией волей помре». И все!

Обстоятельства смерти стали известны лишь год спустя из писем его безвестных товарищей.

«В дороге у него начался тиф,—писал неизвестный друг. — Может быть, он и поправился бы, но, когда мы спускались с горы, лошади наскочили на подводу, где сидел Николай, подмяли его под себя, и сани с двумя седоками и ямщиком проехали по нему.

Кроме того, он получил еще удар в бок ружьем. Он, видите ли, заступился за своих спутников, и защитник отечества хватил его прикладом.

Приехали в Иркутск... На другой день Серно-Соловьевич пошел в больницу и богу дух отдал... тихо, как заснул...

Спи же мирно, земляк, ты свое сделал: честно служил тому, что считал правдой. Ни словом, ни делом ты не изменил себе. Умер композитор, но звуки его станут жить вечно и вечно станут пробуждать спящих и возвращать их к жизни».

Узнав скорбную весть, Герцен с гневом писал:

«Благороднейший, чистейший, честнейший Серно-Соловьевич — и его убили...

Последний маркиз Поза, он верил своим юным, девственным сердцем, что их можно вразумить: он человеческим языком говорил с государем... и умер в Иркутске, измощенный истязаниями трехлетних казематов. За что?

Враги, заклятейшие консерваторы, были поражены доблестью, простотой, геройством Серно-Соловьевича. Это был один из лучших, весенних провозвестников нового времени в России... и он убит... «Да они не хотели его смерти». Что за вздор! Михайлов умер, Серно-Соловьевич умер, Чернышевский болен. Какие же это условия, в которые ставят молодых и выносливых людей, что они не выдерживают пяти лет?»

IX

Когда печальное известие дошло до Женевы, Александр Серно-Соловьевич был еще в больнице. Здоровье его восстанавливалось медленно, хотя друзья делали все для его улучшения. Содержание и лечение в больнице стоило дорого. Эмигрантам чуть ли не по грошам приходилось собирать эти деньги. Но ведь главное лекарство при нервных заболеваниях — покой, а его-то и не было у Александра. Тоска по друзьям, по работе мучила его непрестанно. Едва наступало хоть небольшое улучшение состояния, Александр уходил из больницы. Его начали сторожить — он убегал тайком, сводя на нет все результаты лечения.

Друзья вначале пытались скрыть от него гибель брата. Но ведь такое нельзя скрывать бесконечно. Когда они, по возможности подготовив Александра, рассказали ему все, Александр ничем не выдал своего отчаянья, только страшная бледность разлилась по его лицу. Ласково простившись с друзьями, он вернулся в свою палату, лег и несколько часов пролежал неподвижно. Горе было слишком тяжелым, чтобы плакать. Александр словно ушел в себя — он казался собранным и спокойным, но такие потрясения не проходят даром. Состояние его вновь резко ухудшилось. Еще несколько месяцев пробыл он в больнице. Выйти из нее он смог лишь в конце лета 1866 года.

Едва оправившись от болезни, Александр жадно набросился на работу.

Герцен и Огарев, которые и во время болезни Александра оказывали ему большую материальную поддержку, поручили ему корректуру «Колокола». Это давало регулярный заработок. Казалось, отношения наладились.

Но серьезные расхождения оставались. Они не могли не привести к разрыву.

Осенью того же года среди прочих материалов для корректуры Александр увидел статью Огарева «По поводу продажи имений в Западном крае». В ней говорилось о принудительной продаже земель польских помещиков — участников восстания — русским помещикам и чиновникам. С удивлением и возмущением перечитывал Александр эту статью: в принципе Огарев не возражал против продажи, нет! Он советовал правительству передавать эти земли русским крестьянам и выражал надежду, что таким образом — о святая простота! — может осуществиться ликвидация сословий... Тщетно пытался Александр доказать Огареву, что тот совершает серьезную ошибку: поддерживая так или иначе руссификаторскую политику правительства, он вызовет лишь ненависть поляков, которые справедливо расценят эту статью как предательство прав Польши на самоопределение и независимость, как оскорбление их национального достоинства. Настойчиво просил он Огарева выбросить из статьи все, что относилось к переселению русских крестьян в Польшу.

Но Огарев остался глух ко всем доводам.

«Если вы не согласны с нами, пишите против нас», — отвечали издатели «Колокола».

Что же, начинать усобицу в своем лагере? Доставлять радость врагам?

Александру нелегко было решиться на такое. Но его взгляды по польскому вопросу были ясны и определены: «Сперва отделение Польши и всего польского от России, а потом, если возможно, братский союз». Компромисса не было.

Он написал протест и послал его в «Колокол».

Герцен отказался его напечатать. В декабре

1866 года Александр выпустил свой протест отдельной брошюрой на французском языке. Дело шло к окончательному разрыву.

Он наступил, когда в «Колоколе» была напечатана статья Герцена «Порядок торжествует». В этой статье говорилось, в частности, о Чернышевском как о представителе «книжного», «западного», «оторванного от народа» социализма.

Это было для Александра Серно-Соловьевича последней каплей, переполнившей чашу. Чернышевский был знаменем революционной молодежи, самое имя его было для нее священо, и подобное высказывание — действительно, несправедливое — было воспринято Александром как кощунство. Долго сдерживаемые раздражение, несогласия, обиды — все вылилось разом.

В середине 1867 года Александр издал брошюру «Наши домашние дела». В ней он в резкой форме говорил о всей деятельности Герцена последних лет. С болью и гневом обрушился Александр на либеральные заблуждения Герцена. Но чувство меры в этой статье все же изменило Серно-Соловьевичу — видимо, сказалось его болезненное состояние. Он объявил Герцена политическим мертвецом. Неправедливо было и то, что Александр резко противопоставил Герцену Чернышевского, утверждая, что между ними нет ничего общего. Он забыл, что, несмотря на все их разногласия, и Герцен и Чернышевский — каждый по-своему — сражались в одном лагере против общего врага.

Герцен был глубоко оскорблен статьей Александра Серно-Соловьевича. Да и единомышленники Александра, признавая правильность большинства обвинений, упрекали его за недопустимо резкий тон.

Вскоре это понял и сам Александр. После выхода из печати брошюры Серно-Соловьевича немецкий политический деятель С. Боркенгейм просил предоставить ему право перевода ее на немецкий язык. Александр согласился с большими оговорками, а когда перевод был сделан и прислан ему на отзыв, задержал его на продолжительное время. Тому же

Боркенгейму он писал: «Герцена я только высмеиваю и вышучиваю...»

Через некоторое время возобновилась переписка Серно-Соловьевича с Огаревым, а в начале 1869 года Герцен вел с Серно-Соловьевичем переговоры о совместном возобновлении «Колокола». Но осуществиться это уже не могло: «Колокол» изжил себя, и основная причина этого заключалась не в колебаниях и ошибках его издателей, а в той обстановке, которая сложилась в России. К этому времени волна общественного подъема, захлестнувшая страну в начале 60-х годов, спала. Крестьянские волнения были подавлены. Тайные и легальные революционно-демократические организации разгромлены, над руководителями и участниками их была учинена жестокая расправа. Уцелевшие от нее вынуждены были либо бежать за границу, либо отошли от общественной деятельности.

Что же оставалось делать Серно-Соловьевичу? Сложив руки ждать нового подъема? Или, может быть, вернуться в Россию и, смиренным покаянием вымолив прощение коронованного палача, превратиться в мирного обывателя?

Но даже мысль о возможности такого исхода Александр отвергал. Если для него нет сейчас дела в России, он найдет его в Европе, где уже занялась заря новой эры в истории человечества, где основанный Карлом Марксом Интернационал положил основу организованной борьбе рабочего класса за свержение власти всех эксплуататоров. Во многих странах мира возникают секции Интернационала, возникают они и в Швейцарии. И вскоре после их организации в них начали вступать русские эмигранты, верные делу революции. Одним из первых был Александр Серно-Соловьевич.

Х

Рабочее движение уже давно привлекало его внимание. Еще в юности, во время первых своих поездок за границу, он частенько посещал собрания рабочих.

Теперь он целиком отдался работе в Интернационале.

Дел в Швейцарии было непочатый край и трудностей было чрезвычайно много. Правда, швейцарская конституция — одна из самых демократических по тем временам — относилась достаточно терпимо к объединению рабочих, но и сам рабочий класс в Швейцарии, где еще не существовало крупной промышленности, был одним из самых неподготовленных к организованной борьбе.

Рабочее население Швейцарии распадалось на две резко отличавшиеся друг от друга категории. Наиболее обеспеченную группу представляли собой так называемые «фабричные рабочие», точнее сказать — ремесленники (в Швейцарии тогда не было фабрик в сегодняшнем смысле слова). Имея сравнительно высокий жизненный уровень, они были далеки от пролетарской революционной сознательности, а по своей идеологии тяготели к мелкой буржуазии.

Совсем в ином положении находились строительные рабочие. Не имея постоянного жилья и твердого заработка, ведя, как правило, полуголодную жизнь, они были истинными пролетариями, но пролетариями неорганизованными и совершенно чуждыми политической жизни. Кстати, большинство их, как люди пришлые, не имело даже избирательных прав. Но в потенциале они были, несомненно, более революционны и неизмеримо больше нуждались в организации. К ним-то и обратился Александр Серно-Соловьевич. Все свои знания и опыт отдал он рабочим. И вскоре стал для них своим.

«...Он не любил разыгрывать шумную роль, он был враг трескучих фраз, ничего собою не выражающих, он любил в деле дело, а не свою фигуру. Когда он нужен был на трибуне, он являлся на нее, и не раз общее собрание всех секций звало его в президенты собрания. Но гораздо важнее, чем на трибуне, была деятельность его в кружках рабочих, в личных ежедневных сношениях с ними: там, где он мог что-либо заимствовать, там он слушал жадно и являлся учеником; там же, где он мог дать что-либо от сво-

его знания и изучения, которое столь ценят работники, — там он обращался в искреннего, добросовестного учителя», — так впоследствии отзывались об Александре его товарищи.

Работа в секциях, в рабочих кружках, в редакции издававшегося в Женеве революционного журнала «Ла либертэ» занимала все его время и все чувства, кроме одного, которое мучило всех изгнанников, — тоски по родине. Иногда эта тоска заглушала все, и в такие минуты являлось желание очертя голову умчаться в Россию. Но Александр привык держать себя в руках и сурово гнал мечты о невозможном.

Как-то вечером возвращался он с другом Николаем Утиным с собрания секции Интернационала. Шли молча, изредка перекидываясь двумя-тремя словами о делах. Мысли были далеко.

И вдруг перед самым домом Утин остановил его и спросил о том же, о чем думал и он сам:

— Саша, а что, если вернуться нелегально? Может быть...

Александр резко прервал его:

— Ты думаешь, меня самого не мучит, что я не еду в Россию мстить за брата и друзей? Но что такое одиночное мщение? Оно бессмысленно. Нет, мы отомстим всему этому проклятому порядку здесь, работая в общем деле, потому что в Интернационале — залог уничтожения всего этого порядка повсюду...

И он работал. Было трудно. Средств к существованию не было почти никаких. Единственная помощь от старого друга — Марии Васильевны Трубниковой. В 1867—1868 годах она приезжала в Женеву с сестрой Верой Васильевной и детьми.

Словно кусочек родины вдруг оказался на чужбине. В кругу этой семьи к Александру относились, как к родному, и он отогревался здесь душою — даже тоска по родине и по своей безвозвратно утраченной семье немного утихла. Трубникова же нашла для него заработок — переводы (разумеется, анонимные) для газеты «Биржевые ведомости», издававшейся ее мужем, и литературных приложений к ней. Ра-

бота эта была неинтересна и отнимала много времени, но давала возможность хотя бы не умереть с голоду.

* * *

В начале 1868 года строительным рабочим Женевы и их организатору Серно-Соловьевичу предстояло выдержать первый классовый бой.

Это было время усиления эксплуатации и обнищания строительных рабочих. На рабочих собраниях и в секциях Интернационала все чаще ставился вопрос о необходимости улучшения их положения и выдвигались требования об этом. Но буржуазия реагировала на них весьма своеобразно: не заикаясь о каких-либо конкретных уступках, она обливала грязью Интернационал. В официальном органе «Журналь де Женев» появлялись статьи, в которых рабочие уверяли, будто положение их совсем не такое уж тяжелое. Серно-Соловьевич на страницах «Ла либертэ» логично и остро опровергал все лицемерные доводы писак из «Журналь де Женев».

Классовая борьба обострялась все более. 23 марта 1868 года созванное Интернационалом собрание строительных рабочих постановило начать забастовку. Время для забастовки было выбрано не очень удачно — весной, когда работы только что начинались, когда рабочие уже успели прожить все, что было отложено на зиму. Но, несмотря на это, забастовка протекала организованно. Рабочие относились к ней предельно сознательно.

Конечно, этого добиться было нелегко. Серно-Соловьевич много поработал. Усилия его не были напрасны: вскоре предприниматели заговорили об уступках. В то же время они делали все, чтобы так или иначе сорвать забастовку, внести разлад в ряды рабочих. Предпринимателям не хватало только агента, который пользовался бы авторитетом среди рабочих. Такого агента женевская буржуазия обрела в лице некоего Аманда Гегга, объявившегося в Женеве в разгар забастовки.

Участник германской революции 1848 года, к тому времени успевший насквозь обуржуазиться и даже

обзавестись собственной фабрикой, Гегг развернул бурную деятельность. Вершиной ее явилось письмо к рабочим, опубликованное на страницах все той же «Журналь де Женев».

Начав с пылких признаний в любви к рабочим, Гегг закончил патетическим назиданием: «Вы же, рабочие, не будьте слишком взыскательны, помните, что вашей стачкой вы мешаете нам в нашей борьбе за свободу, независимость и благосостояние народов!»

Как ни лицемерны были слова этого апостола классового мира, они произвели известное впечатление на рабочих, уже основательно изголодавшихся за время забастовки. Революционное же прошлое Гегга вызывало к нему определенное уважение.

Слово надо было обезвредить словом. За это дело взялся Александр.

Через несколько дней в Женеве уже читали его брошюру «Ответ Геггу. По поводу стачки».

Хохотом встретили рабочие уже первые ее строки, обращенные к Геггу: «Что значит: «я люблю рабочих»? Любите ли вы их, как любите капусту, ветчину, больше или меньше?»

Язвительно и умно разбив и высмеяв все аргументы Гегга, Александр закончил: «Чем бы ни кончилась наша стачка, рабочие, не доверяйте этим «благотелям человечества» и помните всегда, что люди, толкующие нам о любви, спекулируют или спекулировали нашим трудом».

Иллюзии, посеянные Геггом, были развеяны. Стачка продолжалась, привлекая всеобщее внимание. Действия рабочих отличались упорством и организованностью.

С интересом следили за стачкой Маркс и Энгельс. Заинтересовались они и руководителем ее — Александром Серно-Соловьевичем. Вскоре Маркс через С. Боркенгейма послал Серно-Соловьевичу — первому из русских — только что вышедший 1-й том «Капитала».

Прошло уже больше трех недель — стачка не прекращалась.

Наконец в дело вмешалось женеvское правительство¹. Это было большой моральной победой рабочих: до сих пор буржуазия не желала признавать самого существования «этой злоумышленной организации», то есть Интернационала. Теперь же самому главе правительства — президенту Большого совета штата Камперо — пришлось пригласить к себе для переговоров представителей Интернационала. Президент пожелал лично познакомиться с Серно-Соловьевичем. Александр уже завоевал у буржуазии репутацию опасного и сильного противника.

В результате переговоров у предпринимателей удалось вырвать некоторые уступки. Забастовка была выиграна.

Но сам Александр не был удовлетворен результатами стачки. Моральная победа была налицо, но уступки, вырванные у буржуазии, были незначительны. Кроме того, ему было ясно: несмотря на всю проделанную работу и ее результаты, рабочие все еще остаются в своем большинстве малосознательными. И вскоре по окончании стачки он вместе со швейцарскими товарищами предпринимает смелую попытку поднять рабочее движение Швейцарии на новую, высшую ступень организации: создать социал-демократическую рабочую партию.

В ноябре 1868 года предстояли выборы в Женевский Большой совет — законодательное собрание штата. 10 октября 1868 года в газете «Ла либертэ» под лозунгом «Свобода в равенстве» была опубликована предвыборная платформа новой партии.

Несмотря на величие самой идеи создания партии, в тогдашних условиях эта попытка была явно преждевременной и заведомо обреченной на неудачу: сильную рабочую партию мог выдвинуть только промышленный пролетариат, а его-то и не было в Швейцарии. На выборах партия собрала немногим более ста голосов и не получила ни одного мандата.

Такой результат был закономерен. Основная со-

¹ Правительство Женевского кантона — одного из 25 кантонов, составлявших Швейцарскую конфедерацию.

циальная опора партии — строительные рабочие в большинстве своем не имели права голоса, ремесленники же предпочитали традиционно голосовать за радикалов. Немалую роль в поражении новой партии на выборах сыграл и Бакунинский альянс. Сама личность Бакунина привлекала к себе всеобщее внимание, а анархическая программа альянса, эффектная по форме и утопическая по существу, оказывала влияние на швейцарских рабочих, так или иначе зараженных мелкобуржуазной идеологией. Членам же альянса предписывалось не участвовать в политической жизни — следовательно, и в выборах.

Все эти причины были Серно-Соловьевичу понятны. Несмотря на трудности, он продолжал работать.

Между тем мысли все чаще возвращаются к горячо любимой родине. Как ни сильна была реакция в России, освободительное движение в ней не могло исчезнуть совсем — рано или поздно оно должно было воспрянуть с новой силой. А если это так, то необходимо связать его с Интернационалом. Для этого следует создать русскую секцию Интернационала.

И Александр начинает работу по ее организации. (Русская секция была создана в 1870 году, уже после смерти Александра Серно-Соловьевича.)

Так же усиленно трудится Александр над созданием газеты «Эгалитэ» — печатного органа романских секций Интернационала¹, к участию в котором он хочет привлечь К. Маркса. Но на состоявшемся в январе 1869 года конгрессе романских секций большинство составляли сторонники Бакунина. Александр не был избран в редакцию газеты, для создания которой он отдал столько сил.

Оказавшись в изоляции, Серно-Соловьевич пытается продолжать борьбу. Но болезнь неотвратимо подтачивает его.

В середине 1869 года он вновь попадает в психиатрическую больницу. Сознание все реже и реже возвращается к нему, но и возвращение его не прино-

¹ То есть секций, работа в которых велась на французском и итальянском языках. В Швейцарии секции разделялись по языковому признаку.

сит облегчения. С ужасом начинает он понимать: болезнь неизлечима; пройдет еще немного времени, и рассудок окончательно покинет его. Настойчиво требует он от врачей, чтобы те сказали ему правду. Врачи отвечают уклончиво: профессиональный долг медиков не дает им права делать это.

Больному все хуже. Скрывать больше невозможно. 3 августа 1869 года один из врачей не выдерживает.

— Ведь мое состояние безнадежно? — глядя в глаза врачу, настойчиво спрашивает Александр. — Ну, будьте же мужчиной, доктор! Я должен это знать! Безнадежно? Да?

Доктор чуть заметно кивает головой. Александр почти рад этому: правда лучше неизвестности. Теперь он знает, что делать!

Перо его твердо выводит на листе бумаги:

«...Если бы я мог думать, что у вас достанет мужества выслушать спокойно мое прощальное слово, я, конечно, мог бы убедить вас в необходимости для меня расстаться с жизнью.

Я люблю жизнь и людей и покидаю их с сожалением. Но смерть — это еще не самое большое зло. Намного страшнее смерти быть живым мертвецом».

Плотно закрыты окно и дверь. Жаровня с калеными углями поставлена около кровати. Зеленые облака угара постепенно заволакивают маленькую комнату. Ни страха, ни отчаянья. Так надо. Только как мало сделано в жизни! Но что сделано — не напрасно? Нет. Не напрасно! И спустя столетие новое поколение подтвердило: не напрасно!

